УДК 94(71) .03

И. М. Нохрин

Война как катализатор межэтнических противоречий: Канада и англо-бурский конфликт 1899–1902 гг.[1]

Конфликт в Южной Африке на рубеже XIX–XX вв. стал для Британской империи аналогом той самой «маленькой победоносной войны», в которой внутриполитические цели нисколько не уступали, а, скорее, даже превосходили по важности международные и военно-стратегические. По мере того, как обстановка вокруг Трансвааля и Оранжевой республики всё сильнее накалялась, британские политики строили далеко идущие планы по использованию нараставшей «военной угрозы» для воздействия на общественное мнение. В частности, министр колоний Дж. Чемберлен видел в ней удобный случай продемонстрировать силу и единство империи и доказать необходимость ее дальнейшего сплочения через систему экономических и военно-политических соглашений, получивших название «имперская федерация»[2]. Лондон недвусмысленно рассчитывал на самую активную поддержку своих действий самоуправляющимися колониями, что должно было сблизить их друг с другом и с метрополией на почве участия в общем деле.

В Канаде у войны также нашлось немало сторонников. Идеи национального и имперского единства там традиционно оставались чрезвычайно тесно переплетенными: величие канадской нации утверждалось через ее принадлежность к Британской империи, а призыв метрополии вместе выйти на поле боя

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13–01–00035.

[2] *Грудзинский В. В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX — первая четверть XX веков). Челябинск, 1996. С. 89.

воспринимался как шанс повысить статус страны от доминиона с колониальным прошлым до полноценного союзника великой державы.

Еще до начала войны патриотически настроенное Военное общество Торонто направило официальной Оттаве резолюцию с предложением сформировать и передать в распоряжение метрополии воинский контингент, взяв на себя все расходы по его снаряжению и транспортировке. А один из депутатов парламента, полковник С. Хьюз даже пожелал взять на себя всю ответственность за выполнение этой задачи[3]. В многочисленных газетных и журнальных статьях, включая такие авторитетные издания, как «Глоуб» и «Монреаль дэйли стар», сторонники имперского единства подчеркивали, что добровольцы в случае войны должны быть отправлены официально от имени правительства, дабы подчеркнуть единство доминиона с другими частями Британии империи[4].

Канадские националисты также находили достаточно веские основания для вступления доминиона в надвигающуюся войну. Прежде всего участие в боевых действиях представлялось им тем необходимым испытанием, которое должна пройти любая страна на пути своего становления в качестве зрелой нации. Руководствуясь этой идеей, «Глоуб» предлагала «вооружить» канадский контингент собственной национальной символикой, в частности флагом с изображением кленового листа или бобра, чтобы продемонстрировать всему миру «факт рождения новой нации на месте бывшей колонии»[5]. Война преподносилась патриотически настроенной прессой в качестве своеобразного акта инициации Канады на полях имперских сражений.

И это притом что североамериканский доминион не имел собственных интересов в Южной Африке. Как известно, официальной причиной конфликта стал отказ властей Трансвааля и Оранжевой республики придать английскому языку статус государственного, а также снизить ценз оседлости для получения англоговорящими иммигрантами избирательных прав с 7 до 5 лет. Благодаря этим поводам будущая война изначально получила в глазах общественности в Британской империи гипертрофированный образ «битвы за абсолютные ценности человеческой цивилизации»: демократию и гражданские права человека, что само по себе уже считалось достаточным основанием для вмешательства во внутренние дела южноафриканских республик. Сражение рука об руку со «страной-матерью» за «права» англоговорящих жителей Южной Африки — вот что могло сплотить империю лучше любых теоретических построений, считал автор одного из памфлетов того времени, именно так он предлагал доказать, что канадцы нисколько не уступают британцам в доблести и силе характера[6].

[3] *Кукушкин В.Е.* Канада и англо-бурская война // Из Британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, 1992. С. 39.

[4] Histoire générale du Canada / sous la direction de C. Brown. Québec, 2005. P. 447.

[5] *Page R.* Imperialism and Canada, 1895–1903. Toronto, 1972. P. 63.

[6] Canadians in khaki. South Africa, 1899–1900. Toronto, 1900. P. 7–8, 13–17.

Канадские националисты формировали в общественном мнении доминиона крайне негативный образ жителей Трансвааля и Оранжевой республики. В статьях и памфлетах буры представлялись грубыми дикарями, потерявшими всякую связь с благородной европейской культурой, которые в силу своего невежества и отсталости неспособны самостоятельно наладить эффективное управление собственным государством и обеспечить процветание его граждан[7]. В печати то и дело появлялись сообщения, описывающие крайнюю степень упадка южноафриканских республик. «Городские нечистоты стекают прямо по улицам в реки, из которых люди потом берут воду для питья, пьяные полицейские то и дело стреляют из револьверов по местным жителям из-за всякого пустяка», — писал, к примеру, один из «возмущенных» публицистов того времени[8]. Как следствие долгом канадцев объявлялась необходимость помочь метрополии донести «свет цивилизации» до «несчастных» жителей бурских республик путем свержения деспотичного правительства П. Крюгера.

Разумеется, об истинных причинах конфликта, связанных с деятельностью британского магната и авантюриста С. Родса, не шло даже и речи. Таким образом, канадский национализм вновь и вновь подкреплялся чувством принадлежности Канады к наиболее прогрессивной части человечества — Британской империи и участием в ее «справедливой борьбе за идеалы всего цивилизованного мира»[9].

Однако настроения имперской солидарности были характерны не для всех канадцев. Среди либералов было немало тех, кто занимал строго изоляционистскую позицию и считал, что Канада не должна вмешиваться в какие бы то ни было военные конфликты, пока не существует прямой угрозы ее безопасности или по крайней мере пока не задеты ее собственные интересы. Желающим сражаться за интересы метрополии предлагалось вступать в английский (*не канадский*) полк и отправляться в Южную Африку[10]. Национализм в данном случае впервые отмежевался в «английской» Канаде от традиционной формы своего воплощения — империализма. Немаловажную роль при этом сыграл и весьма неблаговидный этический подтекст «войны всей Британской империи против 30 000 фермеров»[11], который явно не соотносился с пафосной риторикой империалистов об оборонительном характере действий Великобритании.

Наибольшее противодействие планы военного участия встретили во франкоканадской провинции Квебек, для подавляющей массы населения которой англосаксонский шовинизм и идеи имперской солидарности оставались совершенно чуждыми. Там воцарилась атмосфера негодования по поводу попыток втянуть Канаду в конфликт, в котором она не имела ровным счетом никаких

[7] *Biggar E. B.* The Boer war: its causes and its interest to Canadians. Toronto, 1899. P. 5–9.

[8] Ibid. P. 23.

[9] Ibidem.

[10] *Кукушкин В. Е.* Канада и англо-бурская война. С. 40.

[11] *Ferguson N.* Empire. How Britain Made the Modern World. London, 2007. P. 274.

собственных интересов. Более того, многим казалась абсурдом даже гипотетическая возможность участия жителей Северной Америки в войне на другом конце света из-за ущемления там прав английских поселенцев[12]. Наличие совершенно особой франкоканадской этнической общности, составлявшей около третей части численности населения, всегда отличало Канадскую федерацию от других автономных колоний Британской империи[13]. Ее мнение просто нельзя было игнорировать.

Определенную роль играли также симпатии франкоканадцев к бурам как к еще одной этнической группе в составе Британской империи, пытавшейся сохранить собственные традиции и культуру в условиях враждебного англосаксонского окружения. На страницах печатных изданий Нижней Канады жители бурских республик представлялись трудолюбивыми фермерами, которые ведут простую и благочестивую жизнь и готовы умереть за свою свободу в борьбе против жадных захватчиков[14]. По мере углубления конфликта в Южной Африке франкоязычная пресса видела всё больше общего между тем положением «осажденной крепости», в котором оказался Квебек, и Трансваалем.

Стоит оговориться при этом, что симпатии франкоканадцев к бурам никогда не заходили дальше исключительно умозрительных рассуждений. В то время как на полях сражений Южной Африки в составе бурских отрядов нередко можно было встретить выходцев из таких европейских стран, например, как Германия и Россия, среди жителей Квебека не находилось желающих с оружием в руках поддержать борьбу Трансвааля и Оранжевой республики против Британской империи.

В итоге во франкоканадской провинции постепенно развернулась контркампания как против войны вообще, так и против участия в ней Канады в частности. Существенную поддержку на официальном уровне ей оказал министр общественных работ Израэль Тарт, выступавший в унисон с общим настроем квебекской печати против оказания помощи метрополии в войне, крайне далекой от реальных канадских интересов[15]. Пытаясь найти точки соприкосновения с умеренными консерваторами, министр предлагал вначале дать возможность Канаде участвовать в формировании имперской внешней политики, а потом уже требовать от нее безоговорочного участия во всех войнах Великобритании[16].

Гораздо более жесткую позицию занял один из представителей либеральной партии от Квебека в Палате общин Анри Бурасса. По его инициативе свыше пяти

[12] *Miller C.* Painting the map red: Canada and the South African War, 1899–1902. Montreal-Kingston, 1998. P. 28–29.

[13] *Саукова Е. С.* Проблема создания Австралийского Союза в интерпретации Альфреда Дикина (1880–1900) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2014. Вып. 59. С. 74–78.

[14] *Miller C.* Painting the map red. P. 28.

[15] *Кукушкин В. Е.* Канада и англо-бурская война. С. 40–41.

[16] *Miller C.* Painting the map red. P. 29.

тысяч человек из более чем ста тауншипов подписали петицию против войны и соучастия в ней доминиона. Негодуя по поводу отправки в Южную Африку канадского воинского контингента, Бурасса покинул ряды своей партии, отказался от места в парламенте, объяснив это невозможностью защищать интересы своих избирателей, и обрушился на кабинет министров с критикой политики выплаты «дани людьми и деньгами на нужды британского империализма»[17]. Вовлечение Канады в военные действия на юге Африки Бурасса называл «безумным политическим преступлением», которое противоречило идеалам и ценностям «старой доброй либеральной Англии», всегда старавшейся сохранить мир между Онтарио и Квебеком. Публицист перекладывал всю ответственность за рост недоверия во взаимоотношениях двух «рас» Британской Северной Америки на оранжистов и джингоистов и утверждал, что между долгое время живущими бок о бок народами «французской» и «английской» Канады нет реальной почвы для вражды[18]. Обращаясь на одном из митингов к своим франкоязычным соотечественникам, Бурасса убеждал их, что настроения агрессивного шовинизма характерны далеко не для всех жителей Онтарио. Он призывал несмотря ни на что поддерживать и развивать отношения между Квебеком и другими провинциями федерации ради сохранения единства страны[19].

В момент особенно широкого распространения в Канаде настроений солидарности с метрополией демарш А. Бурасса стал поистине беспрецедентным событием. Особую остроту ему придавало то, что впервые депутат палаты общин открыто выступил против идей имперского единства и при этом не только не потерял политических «очков», но заработал широкую известность и поддержку даже среди англоязычной антивоенно настроенной общественности.

В «английской» Канаде такую реакцию Квебека восприняли как показатель его политической неблагонадежности. Англосаксонским шовинистам представилась подходящая возможность для обвинений франкоканадцев в нелояльности империи, нагнетания национальной розни и призывов к ассимиляции. Так, например, на страницах газет И. Тарта открыто называли «предателем» и «пособником буров», а в городах дело доходило до массовых уличных драк[20]. Широко бытовавшие настроения этнической враждебности вполне определенно выразил известный общественный деятель того времени полковник Дж. Денисон. В историческом очерке, посвященном своему другу и участнику организации «Канада прежде всего» Роберту Халибёртону, он доказывал, что франкоканадцы Квебека могут быть так же опасны для англоканадцев, как буры для англичан[21].

[17] *Bourassa H.* Grande-Bretagne et Canada. Montréal, 1901. P. 3.

[18] *Bourassa H.* Les patriotisms canadien-français; ce qu'il est, ce qu'il doit Etre. Montréal, 1902. P. 5.

[19] Ibid. P. 9–10.

[20] *Кукушкин В. Е.* Канада и англо-бурская война. С. 40–41.

[21] *Denison G. T.* Robert Grant Haliburton // The Canadian Magazine of Art, Science and Literature. 1901. Vol. XVII. № 2. P. 129.

Действующий премьер-министр Уилфред Лорье оказался в трудном положении: с одной стороны на него оказывали мощное давление консерваторы и все милитаристски настроенные круги, а с другой ему приходилось считаться с мнением соратников по либеральной партии, без поддержки которых он рисковал столкнуться с непониманием в правительстве и антивоенными настроениями в Квебеке, избиратели которого уже дважды обеспечивали победу либералов на федеральных выборах. К тому же в доминионе лишь недавно утихли страсти вокруг «школьного вопроса» и статуса французского языка в провинции Манитоба, и новые жаркие дебаты были бы для правительства весьма некстати[22].

К удовлетворению премьер-министра, обстоятельства сложились весьма благоприятно. Англо-бурская война началась 2 октября 1899 г., когда парламент доминиона находился на каникулах. Воспользовавшись этим, У. Лорье тут же заявил, что правительство берет на себя расходы по экипировке и транспортировке добровольцев в количестве 1 тыс. чел. и не стал созывать досрочную сессию парламента, сославшись на незначительность расходов[23]. Тем самым «милитаристы» должны были удовлетвориться тем, что Канада всё же приняла участие в войне, но в угоду «пацифистам» объем ее участия был установлен совсем незначительным. В дальнейшем премьер-министр охотно шел навстречу добровольцам, снарядив за государственный счет еще несколько экспедиций, но избегал любых иных, более масштабных и официальных мероприятий по укреплению «имперских уз», даже если ради этого приходилось жертвовать политическим капиталом и терпеть обвинения оппозиции в недостатке патриотизма и нелояльности по отношению к «стране-матери».

Могло показаться, что У. Лорье сумел убить сразу двух зайцев: и проявить солидарность с метрополией, и избежать конфликтных парламентских дебатов по вопросу об отправке войск. Но такой компромисс устроил не всех. Многие адепты идеи имперского единства были недовольны тем, что правительство так и не выразило официальную поддержку Великобритании отправкой крупного подразделения регулярной канадской милиции, ограничившись лишь оснащением и транспортировкой добровольческих отрядов. В лагере тори Лорье прозвали «сэр Уонтфрид» (Sir Won'tfrid — «сэр Нехочу»), намекая на его крайнюю умеренность, тогда как Анри Бурасса от имени националистов дал премьер-министру другое прозвище — «Ваффли Уилфи» (Waffley Wilfy — «Запутывающий Уилфи»), как бы указывая на его умение при помощи путаных речей выходить из самых противоречивых ситуаций[24].

Тем не менее, на очередных парламентских выборах, состоявшихся в ноябре 1900 г., либеральная партия не только одержала победу, но еще больше увели-

[22] *Ильина О.В.* «Школьный вопрос» в Манитобе в контексте англо-французских межэтнических отношений в Канаде конца XIX в. // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2014. Вып. 59. С. 69–73.

[23] *Wade M.* The French Canadians, 1760–1945. New-York, 1955.

[24] Histoire générale du Canada. P. 485.

чила свой отрыв от консерваторов[25]. Население страны в целом одобрило ставшее центральным в предвыборных дебатах решение У. Лорье по поводу участия в конфликте. Он верно уловил доминирующее умонастроение канадцев, которым было важно, что глава правительства, приняв решение о поддержке метрополии, сделал это именно в той форме, которая отразила особую позицию и самостоятельную роль доминиона Канада в составе империи. «Две тысячи канадцев захотели пойти на войну и, если будет нужно, отдать свои жизни за честь страны. Разве мы могли им это запретить? — объяснял премьер-министр свои действия новому составу парламента. — Мы собрали этих людей в одном полку и дали им командира из числа их товарищей, и теперь весь мир смотрит на них, удивляется их храбрым сердцам и героическим делам и понимает, какая мощная сила поднимается здесь, в Западном полушарии»[26].

Следует, однако, отметить любопытный факт, свидетельствовавший об определенных тенденциях в развитии англоканадской национальной идентичности. Хотя для большинства жителей доминиона участие их страны в англо-бурской войне было делом политического принципа, нельзя не обратить внимание на сравнительно небольшой удельный вес канадских частей в общеимперских экспедиционных силах. Несмотря на все горячие дискуссии об участии в конфликте, шумные агитационные кампании и даже массовые драки на улицах городов, североамериканский доминион послал на защиту прав уитлендеров в Южную Африку всего на пять сотен добровольцев больше, чем Новая Зеландия, уступавшая ему в численности населения в 7,5 раз. Вообще, если не считать Капской колонии, непосредственно примыкавшей к территории боевых действий, то степень участия «новых англосаксонских обществ» в конфликте была обратно пропорциональна их опыту автономного политического существования[27]. Можно сказать, что в этом проявилась зрелость канадской национальной идентичности, не предполагавшей массового участия в военной кампании, в которой доминион не имел собственных интересов.

Участие вооруженных сил автономных колоний в англо-бурской войне

Регион Британской империи	Численность населения (млн чел.)	Численность воинского контингента в Южной Африке (чел.)	Доля участников боевых действий от общего числа населения
Канада	5,3	7000	0,13 %
Австралия	3,7	16 000	0,43 %
Новая Зеландия	0,7	6500	0,92 %
Капская колония	0,95	50 000	5,2 %

[25] *Skelton O. D.* Life and letters of Sir Wilfrid Laurier. Vol. 2. Toronto, 1921. P. 117–118.

[26] Canada. Parliament. House of Commons. Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. 8th Parliament, 5th Session. Ottawa: S. E. Dawson, 1900. P. 1847–1848.

[27] The Oxford History of the British Empire. Vol. III. Oxford–New-York, 1999. P. 343.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что итоговое количество добровольцев, посланных в Южную Африку, выросло с первоначальной 1 тыс. до 7 тыс. чел. Это можно назвать и красноречивой иллюстрацией осторожности политического курса, избранного кабинетом У. Лорье, и свидетельством популярности милитаристских настроений в канадском обществе того времени. Учитывая совершенно особую позицию Квебека по южноафриканской проблеме, воинственный настрой англоканадских сторонников идеи имперской солидарности мог привести к эскалации межэтнической напряженности и даже открытому столкновению. Избежать конфликта удалось только благодаря взвешенной позиции правительства, оперативно решившего вопрос и не позволившего шовинистическим настроениям возобладать в общественно-политической жизни страны.

References

Biggar E. B. The Boer war: its causes and its interest to Canadians. Toronto, 1899.

Bourassa H. Grande-Bretagne et Canada. Montréal, 1901.

Bourassa H. Les patriotisms canadien-français; ce qu'il est, ce qu'il doit Etre. Montréal, 1902.

Canada. Parliament. House of Commons. *Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada*. 8th Parliament, 5th Session. Ottawa: S. E. Dawson, 1900.

Canadians in khaki. South Africa, 1899–1900. Toronto. 1900.

Davidson A. B. Sesil Rods — stroitel' imperii. Smolensk, 1998.

Denison G. T. Robert Grant Haliburton // The Canadian Magazine of Art, Science and Literature. Vol. XVII. 1901. № 2.

Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World. L., 2007.

Grudzinskij V. V. Na povorote sud'by: Velikaâ Britaniâ i imperskij federalizm (poslednââ tret' XIX — pervaâ četvert' XX vekov). Čelâbinsk, 1996.

Histoire générale du Canada / Sous la direction de C. Brown. Québec, 2005.

Il'ina O.V. «Škol'nyj vopros» v Manitobe v kontekste anglo-francuzskih mežètničeskih otnošenij v Kanade konca XIX v. // Vestnik Čelâbinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriâ. 2014. Vyp. 59.

Kukuškin V. E. Kanada i anglo-burskaâ vojna // Iz Britanskoj istorii novogo i novejšego vremeni / Pod red. N. A. Erofeeva. Čelâbinsk, 1992.

Miller C. Painting the map red: Canada and the South African War, 1899–1902. Montreal–Kingston, 1998.

Page R. Imperialism and Canada, 1895–1903. Toronto, 1972.

Saukova E. C. Problema sozdaniâ Avstralijskogo Soûza v interpretacii Al'freda Dikina (1880–1900) // Vestnik Čelâbinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriâ. 2014. Vyp. 59.

Skelton O. D. Life and letters of Sir Wilfrid Laurier. Vol. 2. Toronto, 1921.

The Oxford History of the British Empire. Vol. III. Oxford–New-York, 1999.

Wade M. The French Canadians, 1760–1945. New-York, 1955.